

Земля А.О.

24.11.92

"МНЕ ОСТАЛАСЬ ОДНА ЗАБАВА...", или Театр Александра РЕМЕЗА

Сцена - Санкт-Петербург - 1992 - 24 нояб - с. 5

ТАКОП театр существует пока только в моем воображении. Хотя совершенно уверена, что он осуществится и в реальности — лет, скажем, через пятьдесят или сто. Как театр Чехова, Стриндберга или Мольера. Правда, Александра Оскаровича Ремеза, ныне тридцатипятилетнего драматурга из Москвы, скорее всего уже не будет в живых. Ну да что за беда...

Лучше всего про него сказал (написал) режиссер Анатолий Васильев. Он сказал, что Саша Ремез — это такой миф, он как бы есть и его как бы нет. Васильев написал это в предисловии к сборнику пьес, который так и не увидел свет. Слова (почти дословно) совпадают с теми, что говорят сейчас про Юрия Карабчиевского. Грустное совпадение. Получается, что жизнь человека — это пустой негатив, который проявляет смерть.

Собственно, смерть (вернее, ужас ее близкой возможности) и заставляет писать о Ремезе. А вдруг что-то случится? (Тыфу-тыфу!) Не выдержит человек, сорвется... И что тогда? Придется брать в руки пьесы и создавать натуральный миф, потому что о мертвом, как известно, либо хорошо, либо никак. Александр...

Можно живописать его драму внутри социума, которому он не нужен.

Можно попробовать обобщить его судьбу до судьбы поколения. (Сам он считает, что принадлежит к поколению «семидесятников», «растерявшихся», как он пишет, людей).

...БОЛЬШЕ всего я люблю его пьесу «При жизни Шекспира». Кстати, поставленную. И совершенно нехоти — плохо. На Малой сцене Театра имени Гоголя. В году, наверное, восьмидесятом или восьмидесяти первом.

В этой пьесе вычленяется, в общем-то, несложная мысль о том, что эпоху определяют не политические деятели, а те художники, которые в это время живут и творят. Помните, наверное,

имевший хождение в достопамятные времена анекдот: маленький мальчик лезет в словарь и натывается там на имя Брежнева. Словарь разъясняет: «Брежнев — мелкий политический деятель времен Сахарова и Солженицына». Примерно такая идея (примерно в те же времена Брежнева) нашла свое художественное воплощение в пьесе Александра Оскаровича Ремеза.

Там существует некий дворцовый заговор, который возглавляет граф Саутгемптон (исторически события подлинны). Того, что происходит, не замечает один человек — актер и драматург Вильям Шекспир, который шествует по Лондону во время уличных волнений и сочиняет монолог «Быть или не быть».

Сейчас Ремез пишет драматическую трилогию «Попытка переворота».

Дом (пышный) Ремеза — рядом с гостиницей «Украина», до Белого дома — рукой подать, через мост. В августе 91-го мимо его дома по Кутузовскому проспекту шли танки. «Как простые троллейбусы», — сказал он.

Не окажется ли через шестьсот лет наша попытка переворота «мелким политическим событием времен Александра Ремеза?»

Впрочем, шучу, конечно...

Конечно, он свалился в Москву из Перedelкино на второй или на третий день путча в неотчетливом состоянии то ли похмелья, то ли начального опьянения и долго не понимал маму, которая пыталась ему объяснить, что происходит. Потом эта ситуация вырелась в драму, естественно, камерную, как и все у него.

Во время путча пили везде, как это принято на Руси. Но не думаю, что кому-нибудь удалось выхлебать больше, чем Александру.

В пьесе «При жизни Шекспира» есть одна характерная ремарка (о, эти ремарки Ремеза! Какое количество филологов — не сомневаюсь — будут зашищать бесчисленное количество диссер-

таций на этих поразительных ремарках...) Так вот: «Видно, что сидят они давно и давно пьют». Александру Ремезу в ту пору, когда были написаны эти слова, было между двадцатью и тридцатью годами. Ближе к тридцати из-за пьянства стало резко ухудшаться зрение (и так не блестящее). Среди родных и друзей возникла паника.

С тех пор с глазами, слава богу, ничего не случилось. Но ужас его пьянства, неотвратимое порока лежит на душе всех его знакомых огромной безысходной тяжестью.

В одной пьесе (про Лопе де Вега: а Ремез написал пьесы почти про всех великих людей всех времен и народов) рассказана история о том, как один любопытный человек попытался выяснить, как и когда пишет Лопе де Вега — известный на всю округу пьяница и повеса. День и ночь он проводил в кабаках. И тем не менее написал более двух тысяч пьес. Это когда же он успел?

Тот любопытный явился к драматургу поздно ночью — и перед ним на пороге возник совершенно трезвый ослепительный человек: Лопе де Вега, каким его никто не знал и не видел. Ночного визитера он спустил с лестницы.

Для меня существуют два Ремеза, два совершенно разных человека, никак не связанных друг с другом. Один Ремез — мой почти всегда нетрезвый приятель, который устраивает дикие дебоши, несет несусветную чушь и вообще являет собой до боли знакомый тип родного алкоголика, утренний персонаж у пивного ларька.

Второй Ремез — автор пьес, человек огромной культуры, конструктор сложных психологических коллизий, прекрасно владеющий русским языком и сценическим пространством. Последнее, впрочем, понятно: отец — режиссер, мама — актриса. Он вырос в мире театра, и было бы по крайней мере

странно, если бы он не понимал, что такое мизансцена.

Но он-то выдумывает их так, что в итоге возникает совершенно особый мир со своей стилистикой. В пьесе «Спасение» — это овальный мраморный стол с яствами и напитками, вокруг которого разворачивается действие. В одной из последних пьес, «Исход» — это стена сгоревшего дома, в окнах которого зажигается свет и появляются вроде бы живые персонажи. Второе место действия — кресло-качалка. Это значит, что, войдя в зал, зрители увидят эту стену и это кресло. Актеры появятся потом...

Сергей Юрский как-то спросил одного режиссера, знакомого с Ремезом: «А это правда, что его пьесы так интересны, как вы про них рассказываете?».

Да, пьесы Александра Ремеза необычайно интересны, если забыть, что их автор — безбожный пьяница. Но забыть об этом трудно. И сделать вид, что это — невинная шалость гения, тоже не получается. Когда он пьян, общается с ним просто выше человеческих сил.

Его умная самоотверженная жена, выходя за него замуж, полагала, что ей удастся справиться с его пороком. Не удалось. Семья теперь нет. И винить ни эту женщину, ни какую бы то ни было другую невозможно. Возможно — читать его пьесы и издали проникаться сочувствием и пониманием.

Я пыталась выведать у него, откуда он знает композитора Джованни Батиста Перголези и его произведение «Саббат матер» (эта музыка должна озвучивать спектакль по пьесе «Дорога на станцию Нева»). Он смеялся своим ласковым неприятным смехом и говорил, что никогда в жизни не был в Филармонии. Во что я охотно верю. Хотя, возможно, я ошибаюсь, и где-то существуют заповедные места с музыкой Перголези и мраморными овальными столами, за которыми Александр Оскарович пишет свои пьесы. (Кстати, в

ученических тетрадках в клеточку простыми шариковыми ручками).

В той же пьесе «Дорога на станцию Нева» Александр цитирует известного русского актера Павла Мочалова: «Вы не смотрите на меня, когда я пьяный, вы смотрите, когда я играю Гамлета...» С Мочаловым, наверное, было проще, а вот увидеть, как и когда Ремез пишет пьесы, — затруднительно. Пока был жив отец, его пытались лечить. Полтора года не пил... и полтора года ничего не писал.

...МЫ не виделись много лет. И вдруг от него пришло письмо. За два дня до внезапной кончины нашего общего друга. Письмо оказалось вестником смерти. Потом, задним числом, Ремез сообщил, что уже довольно долгое время ему «удаются» дурные пророчества. К ним можно отнести и то странное письмо.

А через шесть дней умерла его мама.

Ревекка Марковна (царство ей небесное!) собирала пьесы сына (прекрасно понимая, что он пишет), отдавала их в переплет (красный коленкор) и просила вытеснить на каждом томе (золотом): «А. О. Ремез». Теперь этих томов двадцать два. Ремез пока не перешеголял своего испанского предшественника: не считая инсценировок, у него сейчас (все равно страшно сказать) шестьдесят четыре пьесы. Большинство из них — кондиционные, то есть вполне приемлемы для постановки. Люди с двумя-тремя пьесами считают себя драматургами. Александр же Ремез — до сих пор миф.

Какая сила заключена в этом человеке, что и кто движет его рукой, выводящей крупные, неровные, похожие на иероглифы буквы? Сведущие экстрасенсы, наверное, предложили бы теорию о том, что он, сам не зная того, подключился к какому-то неведомому космическому «каналу». Другую версию, исходя из сегодняшнего знания о мире и человеке, предложить затруд-

нительно. Но это и не важно. Есть человек и его произведения. Для театра. И есть театр, который умирает...

Актриса Марина Старых написала ему: «Всю жизнь буду жива твоей «Ликой». (Потрясающая пьеса для одной актрисы о Лике Мизиновой, изредка идет на Малой сцене в Театре Товстоногова). «Я не понимаю, что она имела в виду», — бурчит Ремез. Он не понимает, потому что ему нужно, чтобы любили его, а не его пьесы. «Полюбите нас черненькими, — как-то бросил он обвинение всем женщинам разом, — беленькими нас всякий полюбит...»

Переосмысливая свою жизнь, он написал вдогонку своей любви я своей жене (пьеса «Наташа, или Девочка из другой жизни»): «Выдержишь ли ты меня — человека, в силу множества причин сотканного из недостатков и пороков, которым нет числа: рано или поздно тебе предстоит познать их все до единого. Выдержишь ли ты меня — писателя, чья психика в силу естественных законов природы изначально искажена и извращена и не находится в моем подчинении, а напротив — это я всецело нахожусь в подчинении у нее. По силам ли это тебе, да я любой другой женщине? Вот вопрос вопросов».

Это не «вопрос вопросов» — это совершенно однозначный приговор. Самому себе. До конца еще не осознанный. Поскольку (сказано женщиной, Мариной Цветаевой, но справедливо и для противоположного пола): «Ибо раз голос тебе, поэт, дай, остальное — взято...».

Сегодня у него взято все — близкие и родные люди, социальный статус, средства к существованию и надежды на будущее. В активе — водка и шариковая ручка. И он потихоньку начинает распродавать свою библиотеку.

Таня ЭШАФОТ
Москва — Петербург

155